

УДК 343.21

DOI 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).1.024-031

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ СМИРНОВ,
кандидат юридических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник НИЦ-2, НИИ ФСИН России,
г. Москва, Российская Федерация,
ORSID 0000-0003-4779-4971, Researcher ID M-8979-2018,
e-mail: samnauka@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПРАВОВЫХ ФАКТОРАХ, СНИЖАЮЩИХ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Для цитирования

Смирнов, А. М. К вопросу о правовых факторах, снижающих эффективность предупредительной функции Уголовного кодекса Российской Федерации / А. М. Смирнов // Человек: преступление и наказание. – 2020. – Т. 28(1–4), № 1. – С. 24–31. – DOI : 10.33463/1999-9917.2020.28(1-4).1.024-031.

Аннотация. В статье актуализируется проблема низкой эффективности предупредительной функции российского уголовного закона. Ее реализация заключается в установлении правового запрета на совершение деяний, признанных преступными и регламентированных в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, и мер уголовно-правового реагирования на совершение этих деяний. Вместе с тем закон содержит в себе положения, девальвирующие ее и снижающие тем самым эффективность борьбы с преступностью в стране. К таким положениям относятся: возможность, а не обязательность назначения уголовного наказания; наличие правовых условий освобождения от уголовной ответственности и (или) наказания или максимальной минимизации характера мер государственного реагирования на совершенное преступление; наличие слишком мягких санкций, не соответствующих преступному результату; наличие менее строгих санкций за преступления, имеющие не только равный преступный результат, но и более общественно опасные последствия. В целом одним из главных условий этого является постоянная эскалация гуманизма по отношению к лицам, совершающим общественно опасные деяния, и нежелание государственной власти проявлять необходимую строгость по отношению к таким лицам. Гуманизм в регулировании общественных отношений, безусловно, является показателем цивилизованности развития любого государства. Однако он не должен быть чрез-

---

© Смирнов А. М., 2020

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

мерным по отношению к лицам, причиняющим существенный вред гражданам, обществу и государству.

Ключевые слова: Уголовный кодекс Российской Федерации, функции уголовного закона, противоправная функция, профилактика преступности, неотвратимость наказания.

Российская Федерация ставит перед уголовным правом охрану основных социальных ценностей (правового статуса человека и гражданина, собственности и прав на нее, общественной безопасности и порядка, окружающей природной среды, конституционного строя России) от посягательств, признаваемых национальным уголовным законодательством преступными. В целом оно направлено на сохранение глобальных составляющих жизни на Земле – мира и безопасности человечества. Для решения этих задач уголовное право реализует ряд функций, которые выступают своеобразным проявлением сущности уголовного права в объективной реальности, отражают его роль в регулировании существующих в социуме общественных отношений. Среди этих функций важное место занимает предупредительная, направленная на профилактику совершения преступных деяний. Ее реализация заключается в установлении правового запрета на совершение деяний, признанных преступными и регламентированных в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), и мер уголовно-правового реагирования на совершение этих деяний.

Анализ положений российского уголовного закона позволяет сделать вывод о том, что он содержит ряд положений, значительно снижающих эффективность реализации данной функции, что способствует сохранению преступности в стране на достаточно высоком уровне.

Анализ официальных статистических данных МВД России свидетельствует о том, что в последнее время уровень преступности в России динамично снижается, что указывает на достаточную эффективность реализации УК РФ своей предупредительной функции. Так, за период с 2014 по 2018 год число зарегистрированных преступлений в стране сократилось практически на 200 тысяч (с 2 190 578 в 2014 г. до 1 991 532 в 2018 г.), или на 9 %.

Вместе с тем все российские ученые-криминологи единодушны во мнении, что реальное состояние преступности в России выглядит совершенно иначе. Это связано с тем, что официальная статистика имеет свойство не совсем точно демонстрировать объективную ситуацию, связанную с уровнем и динамикой совершаемых преступных посягательств в целом и по отдельным видам [1, с. 212]. На самом деле, как убеждены ученые, преступность не утрачивает свои высокие позиции и даже продолжает расти. Особенно это касается ее качественных характеристик, свидетельствующих о том, что она становится все более глобальной, коррумпированной, приобретает больший интеллектуальный характер [2, с. 457; 3, с. 50], выражаясь в еще более изощренных и дерзких формах [4, с. 6].

Исследователи достаточно недоверительно относятся к происходящему в последние 10–15 лет как во всем мире, так и в нашей стране «великому сокращению преступлений», которое отражает в своих показателях официальная уголовная статистика и которое абсолютно не соответствует реальному положению дел в сфере борьбы с преступностью – особенно в России [5, с. 158].

Как отмечают отдельные ученые, парадокс состоит в том, что на самом деле преступных деяний совершается все больше, тогда как регистрируется их почему-то с каждым

годом значительно меньше [3, с. 52]. Ученые-криминологи скептически относятся к благоприятным криминологическим прогнозам относительно динамики развития преступности в России и мире, поскольку нет повода быть убежденным в этом [6, с. 167]. Изложенное порождает определенные сомнения в реальных возможностях упреждающего потенциала российского уголовного закона.

Будучи неким «щитом» для законопослушных граждан и в целом государства и общества от одного из наиболее опасных проявлений социальной действительности, таких как преступность, российский уголовный закон содержит в себе положения, способствующие ее распространению и развитию. Иными словами, он сам нивелирует свою роль и значение, для реализации которых был создан.

Проведенный нами анализ положений УК РФ позволил выделить содержащиеся в нем положения, способствующие снижению эффективности реализации его предупредительной функции.

1. Возможность, а не обязательность назначения уголовного наказания. Главным условием эффективности предупредительной функции уголовного закона является неотвратимость назначения уголовного наказания. Дискурс о неотвратимости наказания за совершенное преступление имеет давнюю историю. Еще Ч. Бекарриа писал о том, что только это свойство наказания обеспечивает реальную эффективность борьбы с преступностью. Ни одно преступление не должно оставаться безнаказанным [7, с. 88].

Безнаказанность преступного деяния заставляет законопослушных граждан скептически относиться к роли государства как защитника от преступлений, а преступникам не придавать значения опасности быть привлеченными к уголовной ответственности, не бояться реальности назначения наказания за совершенные общественно опасные деяния, в итоге продолжать вести криминальный образ жизни [8, с. 142]. Это приводит к самоорганизации общества в борьбе с преступностью, активизирует неправовые, внесудебные формы реагирования граждан на преступников, выражающиеся в совершении самосудных расправ над ними [9, с. 145].

Дефиниция понятия преступления, закрепленная в ч. 1 ст. 14 УК РФ, исключает практическую реализацию принципа неотвратимости уголовного наказания, поскольку в ней говорится лишь об угрозе его назначения. Из этого следует вывод о том, что совершение не каждого преступления влечет за собой привлечение к уголовной ответственности и назначение наказания. Угроза наказания как проявление только возможности его применения носит декларативный характер в уголовном законе, что, по справедливому мнению профессора Л. Д. Гауфмана, является одним из негативных его признаков [10, с. 49].

2. Наличие правовых условий освобождения от уголовной ответственности и (или) наказания или максимальной минимизации характера мер государственного реагирования на совершенное преступление. Проведенный нами анализ положений УК РФ показал, что уголовный закон регламентирует, например, такие уголовно-правовые институты, как вменяемость, общие начала назначения наказания, обстоятельства, смягчающие наказание, назначение наказания по совокупности приговоров и преступлений, условное осуждение, сроки давности, «уголовно-правовые иммунитеты», профессиональное применение которых на практике позволяет существенно повлиять на вид назначаемого наказания и его возможный размер или вообще освободить преступника не только от наказания, но и от уголовной ответственности.

Последствия наличия данных возможностей имеют негативный характер. Так, согласно данным Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации (СД при ВС РФ), ежегодно практически каждое пятое лицо, признанное виновным в совершении

преступления, освобождается от государственного реагирования за его совершение, будучи неоправданным.

Несправедливым и антисоциальным, по мнению большинства (82 %) опрошенных нами граждан, является законодательная возможность назначения условного осуждения за совершение тяжких преступлений (ч. 1 ст. 73 УК РФ). Как справедливо негодуют некоторые ученые, в настоящее время суд за убийство или групповое изнасилование вполне законно может назначить условное лишение свободы. Кроме того, на строгость наказания не влияет прошлый криминальный опыт преступника [1, с. 213]. Так, согласно данным СД при ВС РФ, ежегодно (по крайней мере за период с 2015 по 2018 год) практически каждый четвертый преступник приговаривается к лишению свободы условно, то есть, по сути, освобождается из здания суда и направляется жить обычной жизнью, только с некоторыми ограничениями. Среди этих преступников немало лиц, совершивших убийства, причинение тяжкого вреда здоровью, изнасилования, преступления против собственности и иные тяжкие и особо тяжкие преступления.

Следует также обратить внимание на такие институты уголовного права, как освобождение от уголовной ответственности и наказания в связи с истечением сроков давности (ст. 78, 83 УК РФ), позволяющие освобождать от уголовной ответственности и наказания в связи с истечением сроков давности, то есть без позитивного посткриминального поведения, иными словами, даже в том случае, если преступник ничего не сделал для возмещения причиненного вреда или заглаживания вины в совершенном преступлении. Опасение вызывает то обстоятельство, что число таких осужденных с каждым годом возрастает. Так, согласно статистическим данным СД при ВС РФ, с 2015 по 2018 год количество лиц, признанных виновными в совершении преступления, но освобожденных от уголовной ответственности или наказания в связи с истечением сроков давности, увеличилось на 35,8 % [с 2618 чел. в 2015 г. до 3554 чел. в 2018 г. (на 936 чел.)]. При этом увеличение установлено по всем категориям преступлений: небольшой тяжести – на 33,8 % [с 2299 чел. в 2015 г. до 3074 чел. в 2018 г. (на 775 чел.)]; средней тяжести – на 54,1 % [с 178 чел. в 2015 г. до 275 чел. в 2018 г. (на 97 чел.)]; тяжких – на 46,5 % [с 116 чел. в 2015 г. до 170 чел. в 2018 г. (на 54 чел.)]; особо тяжких – 32 % [с 25 чел. в 2015 г. до 33 чел. в 2018 г. (на 8 чел.)]. Кроме того, в рассматриваемый промежуток времени ускоряется динамика освобождения от уголовной ответственности по данным основаниям без позитивного посткриминального поведения и лиц с непогашенными или неснятыми судимостями, то есть совершивших повторные преступления. Если в 2015 г. таких освобожденных было 383 чел., то в 2018 г. – 455 чел. (увеличение произошло на 18,8 %, или на 72 чел.). В этом отношении ни о какой предупредительной функции уголовного закона и речи быть не может. Скорее наоборот, поскольку даже бывшие преступники остаются безнаказанными и освобождаются от уголовно-правового реагирования без совершения действий, направленных на возмещение причиненного ущерба и заглаживание вины.

С декабря 2011 г. законодатель предоставил судам право изменять категорию совершенного преступного деяния на менее тяжкую (ч. 6 ст. 15 УК РФ). Данная законодательная инициатива, нашедшая свое отражение в уголовном законе, вызвала весьма неодобрительную оценку со стороны не только российской научной общественности, но и граждан. Так, по результатам нашего исследования, 89 % респондентов (n = 1700) указали на недопустимость подобного судебного правомочия.

Согласно УК РФ в России все лица до достижения ими четырнадцатилетнего возраста, а также невменяемые лица могут совершать любое деяние, запрещенное уголовным законом, без страха быть привлеченными к уголовной ответственности. Ограничены в

этом, хотя и незначительно, лица, достигшие четырнадцатилетнего, но не достигшие шестнадцатилетнего возраста, а также несовершеннолетние, находящиеся в состоянии так называемой возрастной невменяемости (ст. 20, 21 УК РФ). Безусловно, к несовершеннолетним могут быть применены меры принудительного воспитательного воздействия (ч. 2 ст. 87 УК РФ), однако их характер совершенно несравним со строгостью уголовного наказания и характером причиненного вреда.

Не будем отрицать того факта, что непривлечение к уголовной ответственности всех лиц, не достигших четырнадцатилетнего возраста и, за исключением случаев, указанных в ч. 2 ст. 20 УК РФ, не достигших шестнадцатилетнего возраста, а также невменяемых является достижением уголовно-правовой науки, представители которой обосновывали подобные снисхождения начиная с XIX века. Тем не менее реальность заставляет совершенно по-иному относиться к этому. Например, значительная часть современных несовершеннолетних совершают деяния, признаваемые УК РФ преступными, именно потому, что они не опасаются быть наказанными в силу недостижения возраста привлечения к уголовной ответственности. В итоге это порождает у них привыкание к совершению подобных деяний, девальвирует систему позитивных жизненных ценностей и императивов поведения, адаптированность к ведению криминального образа жизни. Так, согласно результатам нашего исследования практически каждый пятый несовершеннолетний, отбывающий уголовное наказание в виде лишения свободы за совершение посягательства на половую неприкосновенность и половую свободу личности, ранее совершал подобные деяния, зная, что к уголовной ответственности его не привлекут, максимум – назначат меры воспитательного характера (например, поставят на учет комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав) [11, с. 132].

Исследователи, занимающиеся вопросами качества правоохранительной деятельности, справедливо отмечают, что в России значительное число лиц, виновных в совершении преступных деяний, освобождаются от ответственности и в связи с этим им не назначается заслуженное наказание в силу не только недостаточной профессиональной квалификации служителей правопорядка, но и несовершенств, коллизий и противоречий законодательства [12, с. 91]. При этом общеизвестным является тот факт, что неравенство, порождаемое возможностями оставаться безнаказанным, – одна из самых серьезных детерминант преступного поведения, яркий пример, демонстрирующий «беспомощность» государства, которое обуславливает невозможность обеспечения необходимой охраны и соблюдения правового статуса личности [6, с. 198, 208, 245]. Ученые во всем мире неоднократно обращали внимание на то, что деятельность, направленная на создание и обеспечение различного рода правовых преференций для правонарушителей, весьма опасна и катастрофически сказывается на эффективности работы по обеспечению безопасности общества и государства [13, с. 245].

Тем не менее российским властям под эгидой совершенствования уголовного законодательства свойственно реализовывать политику гуманизма по отношению к преступникам, расширять перечень возможностей освобождения от мер государственного реагирования на совершенные преступные деяния или безнаказанного совершения этих деяний посредством, например, включения в УК РФ новых условий, не допускающих привлечения лица к ответственности.

3. Наличие мягких санкций, не соответствующих преступному результату. Если оценивать санкции статей Особенной части УК РФ с точки зрения их соответствия общественно опасным последствиям, то это порождает определенную дискуссию и критические замечания, так как в одних случаях законодатель оценивает жизнь человека от шести до пят-

надцати лет социальной изоляции (например, ч. 1 ст. 105 УК РФ), в других – до пяти лет (например, ч. 3 ст. 264 УК РФ), а в некоторых случаях – не более двух лет (ч. 1 ст. 109 УК РФ). Здоровье же человека для отечественного законодателя менее ценно – уголовно-правовые санкции за посягательство на него еще менее строги.

Необходимо обратить внимание на неисполнение в настоящее время в России наказания в виде смертной казни – меры государственного реагирования, реализацию которой ожидает от власти подавляющее большинство российских граждан.

У ряда санкций статей Особенной части УК РФ, устанавливающих ответственность как за тяжкие, так и за особо тяжкие преступления, отсутствует нижний предел наказуемости преступных деяний. Весной 2011 г. были отменены нижние пределы санкций за совершение порядка 110 преступных деяний, среди которых тяжкие и особо тяжкие составы преступлений (Федеральный закон от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации»), что весьма отрицательно было воспринято научной общественностью [14, с. 90].

Следует отметить, что УК РФ в сравнении с УК РСФСР 1960 г. по отдельным положениям выглядит более суровым, например, в силу увеличения в два раза продолжительности сроков лишения свободы (ст. 56 УК РФ), закрепления пожизненного лишения свободы (ст. 57 УК РФ) и смертной казни (ст. 59 УК РФ). Однако установление различных правовых условий применения данных наказаний существенно ограничивает практику их назначения. Иначе говоря, строгость закона в России нивелируется мягкостью и либеральностью практики его применения.

4. Наличие менее строгих санкций за преступления, имеющие не только равный преступный результат, но и более общественно опасные последствия. Например, за убийство одного человека (ч. 1 ст. 105 УК РФ) предусматривается максимальное наказание в изоляции от общества на срок от шести до пятнадцати лет с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового, а лишение жизни одного человека в результате дорожно-транспортного происшествия (ДТП) (ч. 3 ст. 264 УК РФ) максимальным наказанием является изоляция от общества на срок не более пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок не более трех лет; совершение совершенным лицом любого развратного действия без применения насилия в отношении лица, достигшего двенадцатилетнего возраста, но не достигшего четырнадцатилетнего возраста (даже, например, показ ему картинки эротического содержания), влечет за собой изоляцию от общества на срок от десяти до пятнадцати лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до десяти лет (ч. 5 ст. 135 УК РФ), когда как лишение жизни двух и более человек в результате ДТП – изоляцию от общества на срок не более восьми лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок не более трех лет (ч. 5 ст. 264 УК РФ).

Личность субъекта преступления, форма его вины в произошедшем, а также обстоятельства случившегося являются для законодателя и правоприменителя главными предпосылками для определения характера уголовно-правовых санкций и назначения наказания. Однако для обычных граждан важно совершенно другое. Для них основное значение имеет преступный результат, что вполне логично. Подобное отношение имеет научное обоснование, поскольку, как справедливо пишет П. П. Осипов, с точки зрения случившихся социальных потерь не имеет никакого значения, например, умышленно или по неосторожности был лишен жизни человек, потому что общественная опасность де-

яния и, как следствие, характер реагирования на него определяются в первую очередь характером причиненного вреда [15, с. 122].

Как отмечает В. С. Овчинский, российский законодатель гордится своим гуманизмом по отношению к преступникам. Вместе с тем общество занимает совершенно иную, противоположную позицию, отвергая подобный гуманизм и требуя социальной справедливости в вопросах реагирования на лиц, совершающих общественно опасные деяния. Это наглядным образом демонстрируют результаты всех социологических исследований общероссийского масштаба, согласно которым граждане ожидают от государства ужесточения мер реагирования на таких лиц. Однако законодатель игнорирует мнение народа, который, согласно Конституции Российской Федерации, является единственным источником власти в стране [16].

Таким образом, предупредительная функция является одной из важных функций российского уголовного закона. Вместе с тем этот закон содержит в себе положения, девальвирующие ее и снижающие тем самым эффективность борьбы с преступностью в стране. В целом одним из главных условий является постоянная эскалация гуманизма по отношению к лицам, совершающим общественно опасные деяния, и нежелание государственной власти проявлять необходимую строгость по отношению к таким лицам. Гуманизм в регулировании общественных отношений, безусловно, является показателем цивилизованности развития любого государства. Однако он не должен быть чрезмерным по отношению к лицам, причинившим существенный вред гражданам, обществу и государству, иначе мы всегда будем «расплачиваться» высокими показателями преступности, которая рано или поздно «коснется» каждого из нас.

Библиографический список

1. Комиссаров В. С. Законодательные перекосы в уголовно-правовой защите жизни человека // Юридическая наука и практика : вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 22. С. 212–213.
2. Лунеев В. В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. 2-е изд. М. : Волтерс Клувер, 2005. 912 с.
3. Мацкевич И. М. Преступность и преступление XXI века: точки несоприкосновения // Юридическая техника. 2017. № 11. С. 49–53.
4. Побегайло Э. Ф. Уголовная политика современной России: авторская концепция // Вестник Российского государственного университета имени И. Канта. 2007. Вып. 9. Экономические и юридические науки. С. 6–15.
5. Клейменов М. П. Снижается ли преступность в России? // Вестник Омского университета. Сер. Право. 2018. № 1(54). С. 157–162.
6. Лунеев В. В. Истоки и пороки российского уголовного законодательства. М. : Юрлитинформ, 2014. 320 с.
7. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / сост. и предисл. В. С. Овчинского. М. : ИНФРА-М, 2004. 184 с.
8. Смирнов А. М. Народное правосудие в России. М. : Юрлитинформ, 2014. 400 с.
9. Смирнов А. М. Феномен правового нигилизма в российском обществе и готовность граждан к внесудебным способам разрешения криминальных конфликтов // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 3. С. 143–146.
10. Гауфман Л. Д. Проблемы УК РФ: бланкетность, декларативность, казуистичность // Уголовное право в XXI веке : материалы Междунар. науч. конф. на юрид. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова. М. : ЛексЭст, 2002. С. 48–59.

---

11. Смирнов А. М. Общая характеристика несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы за совершение половых преступлений // Человек: преступление и наказание. 2014. № 3(86). С. 130–135.

12. Милюков С. Ф., Никуленко А. В. Некоторые направления уголовно-правовой политики в сфере силового противодействия преступности // Библиотека уголовного права и криминологии. 2014. № 2(6). С. 86–99.

13. Stupi, E. K., Chiricos, T. & Gertz M. 2016, 'Perceived criminal threat from undocumented immigrants: antecedents and consequences for policy preferences', *Justice quarterly*, vol. 33, iss. 2, pp. 239–266.

14. Минязева Т. Ф., Букалерева Л. А. Критерии назначения наказания или иной меры уголовно-правового характера // Общество и право. 2011. № 1. С. 89–93.

15. Осипов П. П. Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. 115 с.

16. Овчинский В. С. Суд и самосуд. URL : <http://www.mk.ru/blog/posts/596-sud-i-samosud.html> (дата обращения: 16.04.2019).